

УДК 94 (571+470.5)=511.1+28

А.В. Беспкойный

Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX – начало XX в.)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы христианизации манси в свете эволюции религиозных ландшафтов Урала и Западной Сибири конца имперского периода. Особое внимание уделено православному миссионерству, направляемому конфессиональной политикой Российской империи. Исходя из узких масштабов миссионерства среди «вогулов», можно сделать вывод о сознательном отказе государства проводить миссионерскую деятельность в местах расселения манси.

Ключевые слова: христианизация, манси, православное миссионерство, ассимиляция, обрусение, конфессиональная политика Российской империи.

A.V. Bepokoiny

Christianization of ethnographical groups of Mansi and orthodox missionary work (the end of XIX – beginning of XX century)

Summary. The article deals with the questions of Christianization of Mansi in the light of evolution of religious landscapes of Ural and Western Siberia of the end of imperial period. The special attention is paid to the orthodox missionary work directed by confessional policy of the Russian Empire. Based on the narrow scales of missionary work among «Voguls», it is possible to draw a conclusion on conscious refusal of the state to carry out missionary activity in places of settling of Mansi.

Keywords: christianization, Mansi, orthodox missionary work, assimilation, russianization, confessional policy of the Russian Empire.

Массовое крещение манси (устаревший этноним – вогулы) произошло в 1714–1752 гг. [1, 79–102]. Приобщение же к христианству различных этнографических групп этого народа происходило позже официального крещения. Наиболее правильно рассматривать распространение христианства не в целом, а по отдельности: среди северной, восточной, западной и южной этнографических групп манси. Как справедливо отметила Е.Г. Федорова, необходимость изучения специфики отдельных групп всегда была очевидной для исследователей-угроведов [2, 22]. При этом вслед за определением, данным В.Г. Власовым, христианизацией мы считаем такую меру приобщения каждой этнографической группы манси к духовным ценностям христианства (мифологии, догматике, обрядности, символике и пр.), когда они с той или иной степенью искренно-

сти принимаются большинством представителей данной группы; такую ситуацию, когда большинству представителей группы однажды становится свойственно новое самоопределение: «мы христиане», что находит отражение в документах, в памятниках материальной и духовной культуры соответствующей эпохи [3, 3].

Рассмотрим историографию христианизации манси в конце XIX – начале XX в. В этот период многие очевидцы писали о неглубоком и непрочном усвоении манси христианства. Так, комментируя степень христианской религиозности «северных вогулов» в 1909–1910 гг., С.И. Руденко, посетивший манси верховьев рек Лозьва, Сыгва и Северная Сосьва, писал, что речь здесь могла идти «скорее о следах христианства, притом очень слабых», что признавалось даже местным духовенством. Мла-

денцев манси крестили, «чтобы не получить неприятностей от начальства», некоторые венчались и, наконец, давали знать священникам о смерти, «дабы он вычеркнул из списков и отпел». Этим, согласно С.И. Руденко, практически и ограничивалась их обрядность; знание же христианской догматики и мифологической традиции заключалось в поверхностных сведениях о Боге-Отце, Иисусе Христе, Богородице, Илье-пророке, Георгии Победоносце. Между тем, мифологию своих традиционных божеств манси знали хорошо, прекрасно знали все обряды и большинство из них при случае могли исполнить обязанности жреца [4, 11].

Некоторые из восточных манси, особенно более удаленные от соседства с русским населением р. Конды, по сообщению П.П. Инфантьева, также продолжали «придерживаться своих прежних языческих верований» [5, 30]. Так, в 1892 году «вогулы» Шаимского прихода, по свидетельству местного священника, церковь посещали редко, «частью за дальностью расстояния и трудностью пути, частью вследствие почти полного равнодушия к православной вере» [Там же, 15].

Духовное развитие южных и западных манси, расселенных по рекам Тавда, Сосьва, Лозьва и Пелым, как писал Ф.Н. Белинский, также стояло «на довольно низкой степени» [6, 252–253]. Подобно восточным манси, они продолжали приносить жертвы своим «прежним языческим божествам».

Приведенные выше свидетельства подтверждали множество источников XIX – начала XX в., которые просто пестрили сообщениями об исполнении крещеными манси «языческих» обрядов. Последовавшие позднее полевые исследования советских этнографов в местах расселения манси также показали, что традиционные верования у них сохранились неплохо, православными же они «числились» формально [7, 480]. В связи с этим из одной историко-этнографической работы в другую продолжал кочевать вывод о полном провале христианизации манси на Урале и Западной Сибири. Подобные взгляды нередко можно встретить и в исследованиях последних десятилетий [См., например: 8, 155].

Более же внимательные наблюдатели отмечали, что православие постепенно укоренялось в сознании и быту крещеных манси, а дохристианские религиозные практики постепенно упрощались или даже совсем уходили из традиции. Так, Н.Л. Гондатти писал об обско-угорском населении, расселенном по р. Оби, следующее: «... теперь, при увеличивающемся с каждым годом обрусении местных жителей, прежние обряды и верования забываются настолько, что в настоящее время почти невозможно встретить человека, вполне знающего все эти обряды, соединенные с празднествами в честь медведя; забываются они настолько, что даже сами инородцы это сознают и иногда выписывают какого-нибудь старика за две-три сотни верст, раз он знает все песни и представления, без которых праздник не в праздник» [9, 75]. Замечание Н.Л. Гондатти, на наш взгляд, может быть применимо к манси, расселенным в результате миграций по р. Оби [10, 31–33]. Из приведенных А.А. Дуниным-Горкавичем данных видно, что владения северных манси не ограничивались только бассейном рек Сосьва и Сыгва, а простирались и по р. Оби, где число проживавших манси составляло 26% от числа «вогулов», числящихся в Сосьвинской и Ляпинской волостях Березовского уезда на 1903 год [11, 260–261].

Похожую на сообщение Н.Л. Гондатти информацию об упадке традиционных верований у восточных манси оставил нам и К.Д. Носилов. Старик-манси по имени Савва, живший в верховьях Конды, жаловался Носилкову на «падение нравов» среди его соплеменников, которые «изверились» в прежних богах, разоряли посвященные им святилища. Народ «вогулов», по словам старика, «богов своих бросил, и они его покинули» [12, 128].

Западные и южные манси Урала по принятии христианства, согласно замечанию И.Я. Кривошекова, «подчинились обрусению» и стали перенимать обычаи и нравы живущего рядом с ними русского населения, быстро приспособиваясь к новым формам жизни [13, 348]. Для И.Я. Кривошекова было характерно, что, впрочем, было вообще присуще многим исследователям разных лет, смешение дефиниций «обрусения»¹ и «христианизации»,

выступавших синонимами ассимиляционных процессов [Там же, 403].

Таким образом, еще исследователями XIX – начала XX в. было обозначено, в зависимости от фактора русской ассимиляции, ослабление традиционных религиозных верований и усиление роли православия в религиозности манси, так сказать географически, в меридиональном отношении: от севера к югу. Последнее справедливо было подмечено, например, В.А. Кононенко при изучении религиозных традиций коренных народов Обь-Иртышского Севера [14, 41]. Исследователь действовал в рамках господствовавшего в советском этническом религиоведении метода реконструкции так называемых религиозных пережитков «малых народов» Севера.

Постепенное ослабление традиционных религиозных верований и практик у манси в XIX – начале XX в. было подмечено и историками. Так было сделано, например, Н.А. Миненко, кроме того отметившей и ряд законодательных актов, запрещающих насильственные действия в отношении небрежного исполнения аборигенами Севера своих христианских обязанностей, а также влияние русского населения на распространение православия у хантов и манси. Исследователь справедливо предложила необходимость различать крещение и христианизацию этих народов. Христианизация, согласно такому взгляду, – длительный процесс, включающий евангелизацию, катехизацию и просвещение [15, 247]. Подобно затянувшейся христианизации русского народа, этот процесс у манси не мог достигнуть конечного результата в момент массового крещения обских угров в XVIII в. и по необходимости должен был затянуться во времени.

И все же к концу XIX – началу XX в. христианизация коренных народов Северо-Западной Сибири дала свои ощутимые результаты. Исследуя документы Пермского архива, Н.А. Миненко писала, что даже советские власти в 1920-х гг. вынуждены были признать, что «духовное ведомство через миссионерство сумело... навязать... православие» народам Северного Урала [Цит. по: 16, 137–138]. В результате некоторые из манси в подлинном смысле стали православными.

Итогом изучения христианизации манси можно назвать то, что изменения религиозных традиций этого народа в результате влияния православия получили признание историков и этнографов в последние три-четыре десятилетия. Ненасильственные методы православного миссионерства, по крайней мере на период конца XIX – начала XX в., признаются уже и западными исследователями религиозных верований манси [См., например, 17, 33–34]. Исследованиям православной религиозности манси посвящен целый ряд научных статей [См., например, 18]. Тем не менее, с 1907 г., после выхода труда В.Г. Павловского и до сих пор, отсутствует целостное исследование, которое было бы посвящено исключительно вопросу христианизации манси. Последняя зачастую рассматривается либо как неотъемлемая часть изучения распространения православия среди коренных народов Урала и Северо-Западной Сибири, либо изучается ее влияние на религиозные традиции обских угров. Между тем, в этом процессе имела существенная разница даже между хантами и манси, не говоря уже о христианизации ненцев.

Для подтверждения сказанного рассмотрим в целом деятельность православных миссий Урала и Северо-Западной Сибири в отношении манси. Оговоримся, что мы разделяем ту точку зрения, которая рассматривает православное миссионерство как процесс приобщения к ценностям христианства «сверху» [См., например: 19, 16–17], и признаем успехом христианизации более деятельность «снизу» (влияние на христианские представления манси русского населения). Последняя, вследствие ограничения рамками только статьи, здесь рассмотрена не будет.

Мы проанализировали ежегодные отчеты Тобольского, Пермского и Екатеринбургского епархиальных комитетов Православного миссионерского общества – организации, руководившей с 1872 по 1917 год христианизацией коренных народов Западной Сибири и Урала (территории Тобольской и Пермской губерний Российской империи). Отчеты публиковались в местных епархиальных ведомостях. Для анализа были привлечены и несколько книг под рубрикой «Сибирский раритет»,

опубликованных коллективом исследователей из Тюменского университета в начале 2000-х гг., с источниками по истории Обдорской и Кондинской миссий [Например, 20]. Деятельность Сургутской миссии мы не рассматриваем, т.к. она была направлена исключительно для христианизации хантов и ненцев.

В результате анализа православного миссионерства в Тобольской епархии можно сделать вывод о том, что большинства расселенных здесь манси деятельность миссий практически не касалась. Так, в отношении северных манси можно сказать следующее. Несмотря на то, что миссионеры заявляли, что их деятельность должна охватывать все пространство Березовского уезда [21, 398], миссионерство никогда не простиралось на столь обширную территорию, которая ограничивалась лишь прибрежными районами р. Оби. Миссионерские поездки с целью богослужений, требоисполнений и проповедей не совершались в населенные пункты, расположенные по рекам Северная Сосьва и Сыгва. Поездки, совершавшиеся миссионерами в сторону Полярного Урала, относились исключительно к христианизации северных хантов и ненцев. Деятельность же миссий среди северных манси относилась более к переселенцам из Сосьвинской и Ляпинской волостей, жившим на берегах р. Оби, и здесь же занимавшимся рыболовством сезонным мигрантам из указанных волостей. Ведь как отмечал один из отчетов Тобольского комитета Православного миссионерского общества, миссионеры во время своих летних разъездов по р. Оби несли попутно пасторские обязанности и среди пришлого люда, когда за этим к ним обращались [22, 193].

Что касается прочих манси Тобольской епархии, куда попадали и восточные (кондинские) манси, и часть западных (пелымские), и изоляционные группы южных манси по р. Тавде, то, как мы знаем, миссий на территориях их проживания открыто не было. Что, конечно, не означало полного отсутствия необходимости открытия миссий в этих местностях.

Чтобы понять причину миссионерской политики в отношении указанных, назовем их условно «южных», групп манси, необходимо взглянуть на преобразования в Сибири в конце

XIX – начале XX в., когда в местной административной политике отчетливо просматривается генеральная линия, нацеленная на постепенную унификацию сибирского управления и сближение административного устройства Сибири и Центральной России. Неизменная цель региональной («окраинной») политики России на этот период в целом – политическая и экономическая интеграция народов и территорий в состав Российской империи как неотъемлемых составных частей с общеимперским законодательством и системой управления.

Мы знаем, что в конце XIX – начале XX в. осуществлялся ряд реформ в сфере поземельного, податного и административного устройства народов Западной Сибири с целью их «слияния» с русским населением [См.: 23, 125–169]. Действие этих мер, в частности, было направлено на упразднение сложившейся организации «инородческого» самоуправления, на полное подчинение коренного населения общегосударственным законам и введение у него общественного крестьянского управления. На практике эти реформы удалось реализовать только у части оседло проживавших «инородцев» Тобольского, Туринского, Ялуторовского и Тарского уездов Тобольской губернии. У аборигенов Березовского и Сургутского уездов, оставленных в разряде «кочевых» и «бродячих», сохранялась старая, образца 1822 г., система «инородческого» управления [24, 11–12].

Процесс интеграции территории Западной Сибири и народов, в нем проживающих, в общероссийское пространство был связан с распространением и утверждением здесь православной культуры. Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была составной частью имперской политики в Сибири. Как отмечают авторы полиграфии «Сибирь в составе Российской империи», в основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной важности распространения православия среди «инородцев» [25, 218]. Исповедание православной веры автохтонами рассматривалось как необходимый элемент общегосударственной политики их

«обрусения», сословного приравнения нерусских народов к основному крестьянскому населению страны.

В этих условиях становится понятным отсутствие целенаправленной миссионерской деятельности среди манси. Ведь миссионерство в основном велось в отношении нерусских и неправославных народов. После включения в состав Российского государства территорий проживания манси они в течение почти трех веков подвергались процессам аккультурации и ассимиляции². В результате чего многие исследователи писали, что уже в середине XIX в. многие манси из западной, южной и где-то даже восточной этнографических групп «обрусели» и вели образ жизни, подобный окружавшему их русскому населению Урала и Западной Сибири³. Поэтому в условиях готовящихся реформ по унификации коренных народов Сибири с русским населением необходимость в православном миссионерстве, как средстве ассимиляции, отпадала.

К тому же, в чем собственно была сущность миссионерской деятельности в конце XIX века? По признанию обдорского миссионера И. Егорова в докладной записке на имя епископа Агафангела от 18 мая 1894 г. миссионерством назывался только факт крещения и метрической записи [26, 231]. В погоне за количеством метрических записей новообращенных в христианство на второй план отходила работа с уже крещеными автохтонами Сибири. Суть работы той же Обдорской миссии в целом за все время ее существования – это в первую очередь миссионерство среди кочевавших к северу от Обдорска хантов и ненцев, где сосредоточилось наибольшее на тот период количество адептов традиционных верований, и только потом уже деятельность среди всех прочих, где также некрещеным внимания было все же больше, чем крещеным. Если же формально крещеные «инородцы», а к таковым и относились северные манси Сосьвинской и Ляпинской волостей, жили в значительном отдалении от миссии, то дело «утверждения в христианской вере» до них могло и вовсе не дойти.

При такой постановке миссионерской деятельности становится ясно, что миссионерство, как христианизация «сверху», было далеко не первоочередной задачей в ассимиляции коренных народов Урала и Западной Сибири. Так, по периодизации российской государственности в Сибири, которой придерживается А.В. Головнев, христианизация относится ко второму, следующему после военного, конфессиональному этапу [27, 90]. В условиях, когда полным ходом шел третий, правовой, этап инкорпорации народов Урала и Сибири в Российскую империю, христианизация манси Тобольской и Пермской губерний, как средство «утверждения в вере» уже крещеных, неизбежно должна была перейти из миссий в руки приходского духовенства. Так, в Пермской губернии начало миссионерства в отношении кочевых лозьвинских манси силами Пермского комитета Православного миссионерского общества приходится на 1873–1874 гг. [28, 300–301]. После образования самостоятельной Екатеринбургской епархии (1885 г.) оно было передано местному комитету. Последний расширил свою деятельность, включив в нее даже работу среди западных манси 5-го благочиния Верхотурского уезда, которые вели оседлый образ жизни и подходили к заключительному этапу ассимиляции: смене этнической идентичности на русскую. Главная причина, по которой на них обратил свое внимание Екатеринбургский комитет Православного миссионерского общества, – это кочевой ясачный «инородческий» разряд данных манси, совершенно не соответствующий их реальному быту и присущей им хозяйственной деятельности. После того как в 1898 г. манси Верхотурского уезда были уравнены в сословных правах с местным русским населением и переведены в разряд государственных крестьян, возник повод прекращения среди них миссионерской деятельности, что и было реализовано в 1907 г. [29, 5–6]. Степень христианизации среди оседлых западных манси Верхотурского уезда была объявлена достаточной, чтобы далее уже не продолжать среди них работу Православного миссионерского общества, передав дальнейшую христианизацию в

местные приходы. Плоды более чем 300-летней ассимиляции манси, после включения их в подданство Российского государства, степень интеграции уральских автохтонов в русское население Верхотурского уезда позволяют признать, что у Комитета были достаточные основания прекращения миссионерства.

Вместе с тем, христианизация «сверху» была прекращена не в последнюю очередь вследствие недостатка финансирования деятельности Екатеринбургского комитета. Отсутствием денежных средств можно объяснить также и то, что в школьном обучении детей манси уже в Тобольской епархии миссионерские организации (местный комитет Православного миссионерского общества, православно-церковное братство св. великомученика Дмитрия Солунского, Обдорское миссионерское Братство во имя свят. Гурия) не пошли далее единовременных благотворительных отчислений церковно-приходским школам, расположенным в местах расселения манси. Финансировать школы долговременно, на постоянной основе, эти миссионерские организации не были способны. Так, на заседании общепархиального съезда духовенства журналом № 7 от 4 декабря 1907 г. тобольский епископ Антоний отметил, что «благодаря самоотверженности обдорских миссионеров, дело христианского воспитания и обучения инородческих детей» было поставлено на должную высоту, но, к сожалению, Православное миссионерское общество «ни теперь, ни в будущем времени не имеет достаточно средств поддержать деятельность сей миссии» [30, 108].

Недостаток финансирования миссионерской деятельности проистекал, по нашему мнению, из того же, упомянутого выше, признания государством отсутствия необходимости поддержания миссионерства как института ассимиляции в условиях, когда на Урале и в Западной Сибири уже шел правовой этап инкорпорации коренных народов в состав русского населения. Миссионерство было необходимо только на начальном этапе христианизации, при обращении манси в христианскую веру, воцерковлении новокрещеных и образо-

вании из них приходских общин. Вся эта работа была в основном завершена еще в XVIII веке. А в XIX в. проводилась уже более деятельность по поддержанию среди крещеных манси православной веры (например, церковное строительство, разукрупнение приходов и образование новых – как в случае образования нового Няксимвольского прихода в 1890-х годах), чем миссионерская деятельность в классическом виде, осуществлявшаяся миссиями. Следствием такого подхода и явилось то, что в целом христианизация манси была отдана приходскому духовенству, перенявшему «эстафету» от миссионерских организаций⁴.

В процессе длительной фазы интеграции народов Урала и Западной Сибири в единое политическое и социокультурное пространство Российской империи среди манси происходило рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов. Среди последних особо выделяется религиозный и, в частности, православный ландшафт, концепцию которого активно разрабатывают в т.ч. и уральские исследователи [См. № 31, 32]. Заметное место в концепции занимают изменения религиозных традиций урало-сибирских автохтонов в результате влияния православия [33]. Изучение христианизации манси, проводимой православными приходами самостоятельно как пастырской практики, также рассматриваемой нами как деятельности, направленной «сверху», становится актуальной задачей исследования распространения христианства на Урале и в Западной Сибири. Собственно этот путь исследований очевиден для многих историков и этнологов, изучающих религиозные традиции коренных народов этих регионов. Так, в 2004 г. коллективом тюменских исследователей был выпущен сборник материалов по истории православных приходов Березовского края в XIX – начале XX века [34]. Важным шагом при реконструкции православных ландшафтов Урала и Западной Сибири станет составление региональных историко-культурных атласов. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются [См. № 35, 36]. Наша статья также является дополнением к реконструкции православных ландшафтов Урала и Западной Сибири.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В конце XIX – начале XX в. продолжалась христианизация манси, которая велась уже силами местных православных приходов. Организованная же миссионерская деятельность охватывала очень небольшие по численности территориальные группы северных манси в Березовском уезде Тобольской губернии, северных и западных манси в Верхотурском уезде Пермской губернии. Причиной тому был отказ государства поддерживать миссионерство среди народа, административная и правовая интеграция которого с русским населением Урала и Западной Сибири осуществлялась ходом преобразований по интеграции окраинных территорий с внутренними губерниями Европейской России. Народом, который, по крайней мере представителями «южных» этнографических групп, выглядел достаточно «обруселым», чтобы стать важным объектом конфессиональной имперской политики. Степень включения манси в региональные православные ландшафты признавалась достаточной, чтобы ей продолжали заниматься миссии, вне зависимости от того, соответствовала ли внутренняя религиозность манси уровню, предъявляемому Русской православной церковью от верующих, показателю, возможно единственному, по которому и можно было делать выводы об успехе христианизации.

Примечания

1. Вслед за П. Вертом мы поддерживаем менее принятый в современной науке термин «обрусение», чем более привычный «русификация». См.: Wetrh P. Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 105–134.

2. См. разделяемую нами точку зрения на различия аккультурации и ассимиляции: Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 58–60.

3. Выписки об «обрусении» манси из разных научных публикаций XVIII–XIX вв. велись Н.К. Чупиным. Эти записи вошли в фонд исследователя, хранящийся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО, ф. 129). См., например, записки немецкого исследователя доктора Гельмерсена, побывавшего среди «вогулов» на р. Сосьве в 1833–1835 гг. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 117. Л. 78.

4. Как следует из изложенного, мы поддерживаем взгляд на два пути распространения христианства в Сибири: как проводимый миссиями и приходским духовенством, впервые высказанный П. Сумароковым в 1881 г. См.: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2001. С. 6.

Литература

1. Павловский В. Вогулы. Казань: Типолитография Императорского Университета, 1907. 229 с., VIII.
2. Федорова Е.Г. К вопросу об изучении локальных групп обских угров // *Обские угры: научные исследования и практические разработки: матер. Всерос. НПК VII Югорские чтения*. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 20–30.
3. Власов В.Г. Христианизация русских крестьян // *Советская Этнография*. 1988. № 3. С. 3–15.
4. Руденко С.И. Инородцы Нижней Оби. СПб.: Типография А.Э. Коллинс, 1914. 16 с.
5. Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 216 с.
6. Белинский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей*. Т. 16. Западная Сибирь. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. С. 214–280.
7. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Издательство Московского университета, 1958. 579 с.
8. Forsyth J.A. *History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990*. Cambridge: University Press, 1992. 455 p.
9. Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // *Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии*. Т. XLVIII. Вып. 2-й. Труды Этнографического отдела ИОЛЕАЭ при Московском университете. Кн. VIII. М.: Типография Е.Г. Потапова, 1888. С. 49–73.

10. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.
11. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерия, 1996. 432 с.: ил.
12. Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
13. Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь: Электротипография губернского земства, 1910. 823 с.
14. Кононенко В.А. Некоторые формы проявления религиозных пережитков у хантов и манси // Научный атеизм, этика и эстетика. XXIV Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов 13–28 апреля 1971 г. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1971. С. 41–43.
15. Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. С. 209–260.
16. На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах) / Ред.-сост. К.И. Зубков, А.П. Килин, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. Часть 1. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 236 с.
17. Pentikäinen J. Golden King Of The Forest. The Lore Of The Northern Bear. Helsinki: Etnika, 2007. 154 p.
18. Главацкая Е.М. «Мы не можем без попа...» Православная атрибутика в культуре обских угров // Родина. 2009. № 1. С. 33–37.
19. Выдрина Г.А. Русский этнос в межэтническом взаимодействии (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Славянский ход 1991–2002. Материалы и исследования. Вып. 1. Сургут – Ханты-Мансийск, 2004. С. 12–17.
20. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30–80-е гг. XIX в.): Источники / Сост. вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 328 с.
21. Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского общества за 1914 год // Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1915. № 32. Официальный отдел. С. 398–402.
22. Извлечение из отчета Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1903 год // ТЕВ. 1904. № 11. Официальный отчет. С. 191–200.
23. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1995. 217 с.
24. Фоминых Е.В., Конев А.Ю. Предисловие // Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов / Ред. колл.: Е.В. Фоминых (отв. ред.) и др. Тюмень, 1995. С. 11–12.
25. Сибирь в составе Российской империи / Авт. колл.: И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
26. Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост. вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. 288 с.
27. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
28. Отчет о действиях Пермского Комитета православного миссионерского общества за 1874 г. – второй год его существования // Пермские епархиальные ведомости. 1875. № 29. Отдел официальный. С. 287–303.
29. Отчет Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1906 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. Особое приложение к № 20 официального отдела. С. 1–13.
30. Журналы общепархиального съезда духовенства Тобольской епархии 1907 года // ТЕВ. 1908. № 6. Официальный отдел. С. 107–113.

31. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник [Екатеринбург]. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

32. Главацкая Е.М. Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 101–108.

33. Главацкая Е.М. Православие и религиозные традиции манси: эволюция религиозного ландшафта Урала во второй половине XIX – начале XX века // Сибирь на перекрестке мировых религий. Матер. пятой межрегиональной НПК. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. С. 89–94.

34. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России) // Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2004. 462 с.

35. Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л.В. Степановой, С.В. Лазаревой, С.В. Турова. Екатеринбург: Баско, 2007. 240 с.: ил.

36. Главацкая Е.М., Манькова И.Л., Цеменкова С.И. Реконструкция православного ландшафта Урала XVII – начала XXI в.: из опыта создания историко-культурного атласа // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: матер. Всерос. НПК. Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 11–14.

References

1. Pavlovskij V. Voguly. Kazan': Tipolitografija Imperatorskogo Universiteta, 1907. 229 s., VIII.
2. Fedorova E.G. K voprosu ob izuchenii lokal'nyh grupp obskih ugrov // Obskie ugry: nauchnye issledovanija i prakticheskie razrabotki: mater. Vseros. NPK VII Jugorskie chtenija. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2008. S. 20–30.
3. Vlasov V.G. Hristianizacija russkih krest'jan // Sovetskaja Jetnografija. 1988. № 3. S. 3–15.
4. Rudenko S.I. Inorodcy Nizhnej Obi. SPb.: Tipografija A.Je. Kollins, 1914. 16 s.
5. Infant'ev P.P. Puteshestvie v stranu vogulov. Tjumen': Mandr i Ka, 2003. 216 s.
6. Belinskij F.N. Raspredelenie naselenija Zapadnoj Sibiri po territorii, ego jetnograficheskij sostav, byt i kul'tura // Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naja i dorozhnaja kniga dlja russkih ljudej. T. 16. Zapadnaja Sibir'. SPb.: Izdanie A.F. Devriena, 1907. S. 214–280.
7. Tokarev S.A. Jetnografija narodov SSSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 579 s.
8. Forsyth J.A. History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990. Cambridge: University Press, 1992. 455 p.
9. Gondatti N.L. Kul't medvedja u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri // Izvestija Imperatorskogo Obshhestva Ljubitelej Estestvoznaniya, Antropologii i Jetnografii. T. XLVIII. Vyp. 2-j. Trudy Jetnograficheskogo otdela IOLEAJe pri Moskovskom universitete. Kn. VIII. M.: Tipografija E.G. Potapova, 1888. S. 49–73.
10. Sokolova Z.P. Obskie ugry (hanty i mansi) // Jetnicheskaja istorija narodov Severa. M.: Nauka, 1982. S. 8–47.
11. Dunin-Gorkavich A.A. Tobol'skij Sever. V 3 t. T. 2. Geograficheskoe i statistiko-jekonomicheskoe opisanie strany po otdel'nym geograficheskim rajonom. M.: Libereja, 1996. 432 s.: il.
12. Nosilov K.D. U vogulov: Oчерki i nabroski. Tjumen': SoftDizajn, 1997. 304 s.
13. Krivoshehekov I.Ja. Slovar' Verhoturskogo uezda Permskoj gubernii. Perm': Jelektro-tipografija gubernskogo zemstva, 1910. 823 s.
14. Kononenko V.A. Nekotorye formy projavlenija religioznyh perezhitkov u hantov i mansi // Nauchnyj ateizm, jetika i jestetika. XXIV Gercenovskie chtenija. Programma i kratkoe sodержanie dokladov 13–28 aprelja 1971 g. L.: Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. A.I. Gercena, 1971. S. 41–43.
15. Minenko N.A. Sud'ba pravoslavija na Obskom Severe (XVIII – nachalo XX veka) // Oчерki istorii Jugry. Ekaterinburg: Izd-vo «Volot», 2000. S. 209–260.
16. Na styke kontinentov i sudeb (Jetnokul'turnye svjazi narodov Urala v pamjatnikah fol'klora i istoricheskikh dokumentah) / Red.-sost.: K.I. Zubkov, A.P. Kilin, N.A. Minenko, I.V. Poberezhnikov]. Chast' 1. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1996. 236 s.

17. Pentikäinen J. Golden King Of The Forest. The Lore Of The Northern Bear. Helsinki: Etnika, 2007. 154 p.
18. Glavackaja E.M. «My ne mozhem bez popa...» Pravoslavnaia atributika v kul'ture obskikh ugrov // Rodina. 2009. № 1. S. 33–37.
19. Vydrina G.A. Russkij jetnos v mezhjetnicheskom vzaimodejstvii (na primere Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga) // Slavjanskij hod 1991–2002. Materialy i issledovanija. Vyp. 1. Surgut – Hanty-Mansijsk, 2004. S. 12–17.
20. «I zdes' pojavljaetsja zarja hristianstva...» (Obdorskaja missija 30–80-e gg. XIX v.): Istochniki / Sost. vstup. st. i komment. V.Ja. Templinga. Tjumen': Mandr i Ka, 2003. 328 s.
21. Otchet Tobol'skogo eparhial'nogo komiteta Vysochajshe utverzhdenogo Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva za 1914 god // Tobol'skie eparhial'nye vedomosti (dale – TEV). 1915. № 32. Oficial'nyj otdel. S. 398–402.
22. Izvlechenie iz otcheta Tobol'skogo eparhial'nogo komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva za 1903 god // TEV. 1904. № 11. Oficial'nyj otchet. S. 191–200.
23. Konev A.Ju. Korennye narody Severo-Zapadnoj Sibiri v administrativnoj sisteme Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX v.). M.: Koordinacionno-metodicheskij centr prikladnoj jetnografii In-ta jetnologii i antropologii RAN, 1995. 217 s.
24. Fominyh E.V., Konev A.Ju. Predislovie // Organizacija samoupravlenija v Tobol'skoj gubernii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). Sbornik dokumentov i materialov / Red. kol.: E.V. Fominyh (otv. red.) i dr. Tjumen', 1995. S. 11–12.
25. Sibir' v sostave Rossijskoj imperii / Avt. koll.: I.L. Dameshek, L.M. Dameshek, V.P. Zinov'ev, A.V. Remnev, N.G. Suvorova, V.P. Shaherov, M.V. Shilovskij]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 368 s.
26. Iz istorii Obdorskoj missii: Istochniki / Sost. vstup. st., komment. V.Ja. Templinga. Tjumen': Mandr i Ka, 2004. 288 s.
27. Golovnev A.V. Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 606 s.
28. Otchet o dejstvijah Permskogo Komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshhestva za 1874 g. – vtoroj god ego sushhestvovanija // Permskie eparhial'nye vedomosti. 1875. № 29. Otdel oficial'nyj. S. 287–303.
29. Otchet Ekaterinburgskogo Eparhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshhestva za 1906 god // Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. 1907. Osoboe prilozhenie k № 20 oficial'nogo otdela. S. 1–13.
30. Zhurnaly obshheparhial'nogo sezda duhovenstva Tobol'skoj eparhii 1907 goda // TEV. 1908. № 6. Oficial'nyj otdel. S. 107–113.
31. Glavackaja E.M. Religioznyj landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstrukcii, metody issledovanija // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ekaterinburg]. 2008. № 4 (21). S. 76–82.
32. Glavackaja E.M. Pravoslavnaia kolonizacija i izmenenie religioznogo landshafta Urala v XVIII v. // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 2 (23). S. 101–108.
33. Glavackaja E.M. Pravoslavie i religioznye tradicii mansi: jevoljucija religioznogo landshafta Urala vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Sibir' na perekrestke mirovyh religij. Mater. pjatoj mezhregional'noj NPK. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2011. S. 89–94.
34. Pravoslavnye prihody Berezovskogo kraja v XIX – nachale XX veka (materialy dlja istorii mestnyh soobshhestv aziatskoj Rossii) // Sost., vstup. st. i komment. S.V. Turova. Tjumen': Izdatel'stvo «Vektor Buk», 2004. 462 s.
35. Pravoslavie na Ob'-Irtyskom severe: materialy k istoriko-kul'turnomu atlasu / Pod red. L.V. Stepanovoj, S.V. Lazarevoj, S.V. Turova. Ekaterinburg: Basko, 2007. 240 s.: il.
36. Glavackaja E.M., Man'kova I.L., Cemenkova S.I. Rekonstrukcija pravoslavnogo landshafta Urala XVII – nachala XXI v.: iz opyta sozdanija istoriko-kul'turnogo atlasa // Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istorija i sovremennost': mater. Vseros. NPK. Ekaterinburg: IIA UrO RAN; Izd-vo Ekaterinburgskoj eparhii, 2010. S. 11–14.